

Artur Malinowski
Odeski Narodowy Uniwersytet im. Ilii Miecznikowa, Ukraina

ЕВРЕИ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МОДУС

Наряду с представителями других национальностей евреи составляют неотъемлемый атрибут персонажного мира русской и украинской классики. Присутствие персонажа еврейской национальности в произведении – это своеобразный тест не только на авторскую толерантность по отношению к хитрым, изворотливым, прагматически мыслящим и преследующим личную материальную выгоду представителям народа Израилева, но и на готовность расширить границы изображенного мира, сделать их более подвижными и пластичными, склонными к слиянию и размежеванию. Именно в начале XIX века литература освобождается от прежней риторики, в том числе и за счет введения в свой состав инационального компонента как органически присущего ей и растворенного в тексте.

Галерея персонажей-евреев представляет собой не просто экзотические вкрапления, а повышает социальную валентность текста, его прагматику и связь с действительностью. Благодаря этому текст прочитывается как социальное действие, так как в нем кодифицированы и упорядочены поступки, модели поведения, социально-бытовые акции и ритуалы. Неотъемлемой частью национального универсума становится еврей как *чужой, иной, другой, не-свой*. Градации между этими понятиями довольно условны и зависят от этической установки автора. Но так или иначе мы имеем дело с пластом текстов, «склонных выпячивать наиболее кодифицированные аспекты традиции», «язык», «туземную теорию» поведения¹.

Чуждость, «туземность», необычность образа еврея в литературе продиктованы набором стандартизованных представлений об этом вечном скитальце, предприимчивом и компромиссном, неуклонно идущем к своей цели. Схематические и эскизные, лишённые глубокой

¹ Пьер Бурдьё. Практический смысл, Москва – Санкт-Петербург 2001, с. 49.

аналитики и психологизма, образы евреев располагаются, как правило, в периферийных зонах текста. Они второстепенны и являются проекцией уже существующих, закреплённых в общественном мнении и устной повествовательной традиции, характеристик и признаков. Предвзятое отношение к евреям, щедро наделяемым негативными качествами, – это следствие существующего стереотипа, вводимого в текст по готовым лекалам. Ориентированный не на саму жизнь, реальный опыт, а на их переосмысление в предшествующей литературе, сложившейся репутации, имиджах, национально-ментальных предрассудках, стереотип вторичен, условен, запрограммирован. Причем его функционирование в традиции, как правило, опосредовано как относительно недавней рецепцией, так и более отдалёнными во времени текстами.

...референциальный процесс означивания в национальных стереотипах осуществляется не между текстом и реальностью, а между текстом и текстом. Национальные стереотипы – это интертекстуальные конструкты, унаследованные от предшествующей текстуальной традиции, которые полностью затегают непосредственное восприятие действительности².

Закреплённый за еврейскими персонажами антропологический статус не ограничивается набором антисемитских клише, но и демонстрирует (зачастую в развернутой форме) социально-ролевое поведение *чужака*, механизмы его внедрения в социум, ассимиляции с *не-своим* национальным универсумом. Литература первой половины XIX века предоставляет нам разнообразные варианты такого диалога. При всей важности конфессиональных, идеологических факторов консолидирующей остается социальная практика, обмен опытом в торгово-экономической сфере, включение своих правил игры в общение с представителями *не-своего* мира для достижения реального результата, личной выгоды и т. д. Такая сугубо прагматическая тактика характерна для “еврейского” поведения в литературе первой половины XIX века, задолго до появления в дальнейшем серьезного “еврейского вопроса”, обросшего сложными идеологическими смыслами.

Мир еврея максимально стереотипен, ценностно задан, однозначен и поляризован; он еще очень далек от психологических и морально-этических коллизий более позднего времени. Григорий Грабович в довольно обстоятельном освещении еврейской темы в украинской литературе говорит о связи стереотипа с народной традицией, отражающей коллективный взгляд на *иного*, консервативную патриархальную психологию. Кодификация негативного отношения к

² Будний В., Гльницький М. Порівняльне літературознавство. Київ 2008, с. 360.

евреям закрепились еще в «Истории Русов», в которой представители этнического меньшинства изображены хитрыми исполнителями посредниками, торговцами, ростовщиками, арендодателями и, разумеется, предателями. Наиболее одиозным и неприемлемым для украинского патриархального социума было “скверноприбыточничество”, то есть получение прибыли от аренды церквей:

Церкви несоглашавшихся на Унию прихожан отданы жидам в аренду, и положена за всякую в них отпаву денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех злотых³.

По всей видимости эта деятельность и стала основанием для формирования негативно окрашенного этностереотипа. Деловые качества евреев, их предпринимательская хватка оцениваются с позиций наличествующих в национальной истории кода предательства и тактики Иуды. Специфика украинской рецепции еврейских персонажей в том и состоит, что делец, торговец несет на себе печать «жида», у которого находились ключи от церкви. Однако не во всех текстах этот конфессионально-исторический код присутствует, часто он приглушен либо вовсе не обнаруживается. Но память о нем сохраняется в самой функции, которую еврей выполняет в мире произведения:

...его роль функциональна, – либо ускорить развитие сюжета либо проиллюстрировать беззаконие прошлого, – его характер является формальной, шаблонной условностью... он неизменно статичный образ, и преимущественно (хотя и не всегда) этот персонаж имеет лишь едва заметное отношение к какому-нибудь социальному, экономическому или культурному контексту. Он является скорее функцией, символом, а не лицом⁴.

Одной из таких функций предстает надувательство, обман, неизменно ассоциирующиеся с евреем и служащие для него способом выживания. Немыслимый вне “дискурса торгового” (термин Татьяны Венедиктовой), еврей постоянно оказывается в ситуациях, связанных с товарно-денежным оборотом, обменом материальными ценностями, оптимизацией направленных на выгодную продажу действий. В этот тип коммуникации вовлекаются и другие персонажи, вследствие чего создаются типологические модели торгового. Причем диалог участников

³ Історія Русовъ. Київ 1996, с. 40.

⁴ Г. Грабович. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. Київ 1997. с. 243.

торга может и не преследовать конечной выгоды, а быть не более чем сценической площадкой для разыгрывания той или иной акции, действия.

«Надувательство» образует как бы сильный, мажорный модус «торгования», при котором участники коммуникации активно пытаются убеждать друг друга. Это не обязательно грубо-корыстный обман, прекращающийся в момент, когда доверчивый простак «купится» на обольщения обманщика: обе стороны могут отдавать себе отчет в «надувательских» намерениях друг друга и все же продолжать торговаться ради эстетического удовольствия⁵.

В этом случае торг становится необходимым ритуалом в социально-ролевом поведении персонажей, за которыми закрепляется строго определенная функция. В программном и довольно исчерпывающем эту тему очерке Евгения Гребинки «Фактор» представлена типичное «надувательство» евреем проезжающего путешественника. При всей ритуальности происходящего польза и выгода тем не менее определяют исход диалога.

Надобно удивляться находчивости и наглости факторов, с какою они умеют сбыть с рук, что им не нужно, особливо если заметят в покупателе *доброто человека*⁶.

Риторика поведения путешественника и еврея-фактора объединяет прагматический и эстетический моменты, диалог строится как игра, своеобразное кокетство, завершающееся оплатой счетов. Предвзятое и «готовое» отношение к евреям, граничащее с уничижительным обращением с подчиненным с позиций власти, общественной иерархии («Жид!»), не помешало на какое-то время «проиграть» ситуацию «навыворот», поставив себя в добровольную зависимость от хитреца и мошенника. Внешне представитель власти (по всей видимости офицер) атакует, используя ярлыки и риторику превосходства, внутренне же оказывается побежденным прагматизмом представителя низшего социального статуса и этнического меньшинства. Причем диалог ведется в русле заранее заданном и представляет собой не более чем продиктованную законами «трактирного» жанра игровую сценку. Это риторика готовых фраз и речевых клише, в принципе уместных в физиологическом очерке:

⁵ Зенкин С. По ту сторону торга [в]: Работы о теории. Москва 2012. с. 500.

⁶ Гребінка Є. Фактор [в]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 418.

Жид! – кричал молодой человек.
 Что прикажете, ваше высокоблагородие?
 Пока еще благородие, не люблю я лести, ты мне льстишь и норовишь надуть, знаю я вас!
 Как же это можно, ваше благородие? Кто вас может надуть?
 То-то и есть, ты у меня поворачивайся!..
 Я же и поворачиваюсь: с самого утра верчусь перед вашим благородием, как муха в кипятке”⁷.

Подлинная церемония надувательства следует за этой преамбулой. Добытые фактором пиво и табак вовсе не соответствуют затребованным постояльцем, следовательно, адекватная оценочная стоимость товара сводится на нет. Она скорее виртуальна, чем реальна и представляет необходимое условие нечестного обмена, надувательства. Такой обмен целиком согласуется с правилами игры, в которую вовлечены клиент и продавец. Не истина, не соответствие “себестоимости” вещи, а толерантное отношение к акту торга определяет коммуникативное поведение торгующихся. Тактика фактора определена тем, что постоялец, несмотря на свою внешнюю суровость, является все же *добрым человеком*. Татьяна Венедиктова, говоря о “переменчиво-игровых” акцентах торга, о гибкости и пластичности “человека-торга”, отмечает:

Наличная стоимость» истины определяется не соответствием факту, который ведь все равно никто удостоверить не может, а соглашением с адресатом, в той мере, в какой он расположен и склонен к «торговой игре»⁸.

И далее:

Означающее и означаемое, форма и содержание пребывают друг с другом в том же гибком несовпадении, как цена с товаром или денежная стоимость с потребительской в системе обмена⁹.

Однако не всегда эти составляющие расходятся. Торг подвергается часто переосмыслению, переводясь в этико-психологическую и даже религиозную плоскость. Тактика надувательства практически отсутствует в следующей после трактирного эпизода истории: визите еврея к помещику. В процедуре торга акценты переставляются, жесткие рамки прагматической коммуникации снимаются. Сам по себе коммерческий

⁷ Гребінка Є. Фактор [в]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 418.

⁸ Венедиктова Т. В. “Разговор по-американски”: Дискурс торга в литературной традиции США. Москва 2003. с. 98.

⁹ Там же, с. 127-128.

смысл и цель предприятия нивелируются в общении между двумя людьми вне социально-ролевой заданности. Помещик перевязывает рану искусанного его собакой еврея. Причем все попытки еврея-фактора “восстановить” статусные границы встречают сопротивление находящегося на верху общественной вертикали помещика:

Можно ли, ваше высокородие, ваше высокоблагородие! На что это похоже, ваше превосходительство! Ваше ли это дело возиться около меня, бедного, вашими благородными ручками!

Молчи, дурак, не ругайся! – заметил С. – Ручка у двери, ручка у чайника, а у меня рука¹⁰.

Даже приобретение товара носит игровой характер. Практическая целесообразность купленных вещей (“бумажек для измерения темперамента”) вызывает сомнение и представляет скорее форму вежливости по отношению к пострадавшему фактору. Товарно-денежный обмен в этом эпизоде прочитывается как “несостоявшееся включение предмета в дискурс торга”¹¹. Это скорее не торг, а нечто близкое дарственному обмену, в котором вещи освобождаются от их товарной стоимости. Кроме того, каталог находившихся в коробе еврея диковинных предметов и вещей (“*щекотливых товаров*”) тоже свидетельствует об их экзотической, сувенирно-подарочной фактуре. “Рублей на двадцать всякой дряни” – это условная формула такого же условного торга, являющегося данью ритуалу, этикету. Их присутствие в данном фрагменте несомненно. Помещик как представитель высокого социального класса “вспоминает” об устоявшемся, продиктованном традицией отношении к евреям и оценивает своего гостя с точки зрения стереотипа:

Ладно, ладно, знаю я вас, – сказал С.

Плачет от горя, что едет с дарового хлеба-соли...

А что ты думаешь, ведь оно может быть! Черт возьми! Мне и не пришло¹².

В дальнейшем этот стереотип разрушается. Своим преданным служением помещику в Киеве еврей опровергает весь комплекс негативных о нем представлений. Перед нами довольно явная полемика с “имперско-антисемитским» комплексом, налагавшем табу на изображение еврея в позитивных тонах. Фаддей Булгарин писал: “жиды не

¹⁰ Гребінка Є. Фактор [в]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 421.

¹¹ Зенкин С. По ту сторону торга [в]: Работы о теории. Москва 2012. с. 503.

¹² Гребінка Є. Фактор [в]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 422.

могут и не должны быть добродетельными”¹³. У Гребинки идет последовательное развенчание этого стереотипа на уровне девальвации торгова, переведенного в иную систему ценностей. Восходящая к Адаму Смиуту классическая схема – “дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе” – демонстрирует полную несостоятельность. Не обмен товарами, не получение прибыли, а этика и мораль регулируют отношения между сторонами так и не состоявшегося торгова. Еврей-фактор отказывается от денежного вознаграждения за свои труды в память о сделанном для него ранее. При этом аргументом выступает состоявшийся торг со “стабилизирующей идеей «справедливой цены», к которой стремятся прийти в итоге торгова, на нее ориентируются, измеряя относительную «справедливость» той или иной промежуточной оценки...”¹⁴. Фактор, соотнося себя с другими представителями своей профессии, одновременно мыслит категориями не социальными, а скорее общечеловеческими и даже религиозными:

За товары, что вы купили, мне заплатили купцы, а за беганье я ничего не возьму – это моя должность.

...Никогда не забуду, как вы меня кормили Бог знает за что хлебом... Я просил Бога, чтоб он помог отблагодарить вас; Бог услышал мои молитвы: мне на душе было легко служить вам, а вы хотите заплатить мне!¹⁵.

Условно говоря, торг меняет свою стратегию, подставляя на место эквивалентного обмена неэквивалентный. Это торг, перерастающий в дар. С товаров как объектов торгова снимается цена, они важны не сами по себе, а как условие межличностного общения. Поступок еврея – это ответный дар на предыдущее гостеприимство помещика.

Переосмысление торгова идет в сугубо антропологическом ключе. В финальной сцене еврей предстает не фактором, а прежде всего человеком. В рамках небольшого очерка Гребинка демонстрирует возможность такого превращения, разрушая стереотип, устойчивое представление о факторе как человеке-функции, посреднике, комиссионере, исполнителе поручений. Выписанный по канонам чистой физиологии типаж как бы развоплощается путем снятия ролевых функций и статусных характеристик.

¹³ Булгарин Ф. О цензуре в России и о книгопечатании вообще. Цит. по: Левитина В. Русский театр и евреи. Иерусалим 1988. с. 117.

¹⁴ Зенкин С. По ту сторону торгова [в]: Работы о теории. Москва 2012. с. 504.

¹⁵ Гребинка С. Фактор [в]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 424.

*

Еврейская тема широка, и ее ассимиляция в литературе – от словесных номинаций через разнообразную эмблематику к дискурсивным практикам – довольно отчетлива в корпусе произведений и может быть освещена с антропологических позиций. “Фактор” Гребинки довольно нетипичный текст в том смысле, что в нем присутствует как стереотип, так и его деконструкция. Неоднозначный подход к персонажу-еврею демонстрируется в контексте социально-ролевого поведения, прагматизма и способности увидеть в ритуалах и дискурсах повседневности бытийный смысл.

Bibliografia

- Будний В., Ильницький М. Порівняльне літературознавство. Київ 2008, 430 с.
- Булгарин Ф. О цензуре в России и о книгопечатании вообще. Цит. по: Левитина В. Русский театр и евреи. Иерусалим 1988. с. 117.
- Бурдые П. Практический смысл, Москва – Санкт-Петербург 2001, 562 с.
- Венедиктова Т. В. “Разговор по-американски”: Дискурс торга в литературной традиции США. Москва 2003. 328 с.
- Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. Київ 1997. с. 238-258.
- Гребінка Є. Фактор [в-424.
- Зенкин С. По ту сторону торга]: Твори у трьох томах. Повісті. Оповідання. Нариси. Статті. Рецензії. Листи. Київ 1981. с. 416 [в]: Работы о теории. Москва 2012. 560 с.
- Історія Русовь. Київ 1996, с. 40.

Artur T. Malinowsky

JEWS IN RUSSIAN AND UKRAINIAN LITERATURE: THE ANTROPOLOGICAL MODUS

Summary

A Jew is considered to be the representative of another stranger in the text. Character interpretation takes into account the imagological method. The Jewish theme is broad, and its assimilation in literature – from verbal nominations through various emblems to discursive practices – is quite distinct in the body of works and can be illuminated from imagological positions. “Factor” Combs are a rather non-typical text in the sense that it contains both a stereotype and its deconstruction.

Key words: anthropology, imagological method, stereotype, trade, stranger.